

БАРКЛАЙ де ТОЛЛИ А. В. — КАЛИНИНУ М. И.

БАРКЛАЙ де ТОЛЛИ Антоний Викторович, родился в 1891 в Фридрихштадте Курляндской губ. (внучатый племянник полководца Барклая де-Толли Михаила Богдановича; отец, Барклай-де-Толли, дворянин, служил присяжным поверенным). В 1909 — окончил Рижский политехнический институт, инженер-экономист, в 1910 — призван в армию, служил вольноопределяющимся в Дагестанском полку. В 1914 — на фронте, в сентябре был тяжело ранен. По излечении окончил экстерном Пажеский корпус, произведен в офицера гвардии Кирасирского полка, воевал в Дагестанском полку в чине ротмистра, с полком вернулся на Кавказ. С февраля 1918 — командир кавалерийского дивизиона Красной армии, с 1920 — после демобилизации на хозяйственных должностях в Карелии, с апреля 1923 — в Артиллерийском дивизионе в Петрограде. 11 апреля 1924 — арестован, 18 июля приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь. В декабре 1924 — передал через начальника Ленинградского ДПЗ заявление на имя прокурора.

<11 декабря 1924>

«Верховному Прокурору Республики

от заключенного Антония
Викторовича Барклай де Толли

Заявление

1924 года, декабря 10-го дня, мне был объявлен приговор, вынесенный Особым Совещанием Коллегии ОГПУ, спустя почти 5 месяцев со дня вынесения такового, т^есть от 18-го июля 1924 года, в обвинении меня по ст^{атье} 60 Уголовного Кодекса, причем за все время моего заключения в ДПЗ с 11-го апреля, т^есть за 8 месяцев, я не нахожу причин, кои могли вызвать применение ко мне столь тяжелой статьи 60 УК, в которой я считаю себя совершенно невиновным, и приговор вынесен мне несправедливо, который оскорбляет меня, как честного труженика, отдавшего все свои лучшие силы и годы на пользу революции и государства.

Дабы объяснить Вам все то, что я мог сделать преступного по отношению к Республике, я принужден описать вкратце всю свою жизнь и коснуться родичей.

Родился я в 1891 году в Курляндской губернии, в семье не только богатой, но даже не зажиточной, что можно видеть из геральдики, где прадед мой, тот полководец русской армии, что был в 1812-13-14 г^{одах} Барклай де Толли Михаил Богданович, умер почти в нищете, имея перед страной заслуги (боевые). Дальше род продолжался в таком же бедном состоянии, а отец мой тащил семью только личным заработком, а не был каким-либо помещиком или промышленником. Когда наступил возраст для начала моего образования, я был определен на казенный счет в гимназию, которую и окончил в 1905 году. Будучи в последних классах гимназии, в 1905 году я принимал активное участие в революционной работе в дни борьбы, распространяя литературу в скверах, вокзалах и конках, а также хранил и передавал борцам бомбы. Всем этим снабжали меня и давали инструкции универсанты. В этой работе я был замечен, но явных улик не было, но на одной из вспышек против администрации гимназии за мой проступок я был (конечно, распоряжением администрации, т^{ак} к^{ак} был казеннокошным) выпорот, получив 15 розог. Когда прошла

революция, я снова отдался науке и так окончил гимназию с золотой медалью. В 1905 году я был намерен поступить в Москву в Сельскохозяйственную Академию, куда меня не приняли, объяснив, что опоздал, что повторилось также в Ленинградском Политехникуме, после чего я поступил в Рижский политехникум, куда и был принят. Много позже я узнал, что мест в столичных <высших> учебных заведениях для меня нет за 1905 год. Когда началась сдача студентов в солдаты, я, чуя, что та же участь постигнет и меня (так как всех, имеющих какое-либо отношение к революционерам до 1908 года, правительство сдавало в солдаты, как простых рядовых нижних чинов), я сам решил отбыть воинскую повинность и отправился в Дагестанскую область, где и был принят в Дагестанский полк вольноопределяющимся в 1910 году. Там я сошелся во взглядах и подружился с вольноопределяющимся латышом Стрикер, с коим принял, по кавказскому обычаю, братское крещение, тесть один другому передал свою фамилию. Сделано это было официально, и таким образом я стал Барклай де Толли (Стрикер). Этот мой друг погиб в Персии, где полк был в 1912-14 годах.

Русско-германская война застигла меня в полку, по дороге из Персии к месту квартирования полка тем же солдатом, и таким образом вместе с полком отправился в новый поход на Карпаты, где и был ранен в 9 рваных ран в сентябре 1914 года, таким образом, в силу сложившихся обстоятельств, я прослужил солдатом 4 года. По излечении я окончил (экстерном) Пажеский корпус 6 января 1915 года и был произведен в офицеры в гвардии Кирасирского полка, куда на службу не мог идти, так как не было средств для службы в гвардии и отправился на фронт в прежний Дагестанский полк, где и дослужился до чина ротмистра, имея все боевые награды. После второго отравления газами мое состояние здоровья крайне пошатнулось, я занял должность завхоза полка и вместе с полком участвовал в походе Корнилова на Ленинград в 1917 году, будучи вне строя на хозяйственной должности.

Революция 1917 года застала меня в полку на фронте; в организациях полка я был активным работником и все время занимал место секретаря полкового комитета. Под Ленинградом в 1917 году, когда приехали из Совета Рабочих и Солдатских Депутатов представители, и стало ясно, на что идут войска, я один из первых противился походу и агитировал за уход войск от столицы, предвидя безидейную жертву людей, в результате чего войска были отведены, а Туземный корпус был отправлен на Кавказ. По дороге туда я заболел и оттуда больной решил достичь Ленинграда, дабы найти свою старуху-мать — это мне стоило многих мытарств: на Дону был Краснов, на Украине Скоропадский, и, странствуя по Украине, Польше, Латвии и Эстонии, — я достиг города Ямбурга (теперь Кингисеппа). До Ленинграда было недалеко, но объявленным красным террором я был мобилизован в Красную гвардию 18-го февраля 1918 года и с тех пор безвыходно и честно служил в Красной Армии до момента моего ареста, прослужив, таким образом, почти 6½ лет.

В Красной гвардии, в партизанском отряде тов. арица Окулова, дабы не иметь нареканий со стороны окружающих, я носил только одну часть своей фамилии Стрикер. За время службы в Красной Армии я побывал на многих фронтах гражданской войны, принимая активное участие, как в строю, так и на административно-хозяйственных должностях, и кроме благодарности от начальников ничего не имел, не будучи даже ни разу подвергнут дисциплинарному взысканию.

Был под Уральском, затем под Купянском, участвовал в ожесточенных боях в должности командира кавалерийского дивизиона, когда город переходил из рук в руки, там попал в плен к белым и после 6-

ти дневного пребывания у них, когда эшелон с дивизионом направлялся в Чугуев в концлагерь. Под моим руководством поезд был остановлен, дивизион выгрузился, освободившись от сопровождавших нас казаков, и в полном составе в числе 683 человек, с полным вооружением и конским составом был мною выведен. И снова принял боевое крещение на подступах к Воронежу, где на одной из переправ дивизиона через Дон в сентябре месяце вплавь я простудился, заболел воспалением легких и эвакуирован, последовательно перенеся воспаление легких, сыпной возвратный тиф, дизентерию и малярию. Я снова вернулся в армию, почти живым трупом, был назначен на хозяйственную должность по состоянию здоровья и отправлен в Карелию в 43 дивизию в 1920 году.

Дивизия перебрасывается в Ленинград, и здесь, при составлении списков и необходимости указать службу в старой армии, я, для точных о себе сведений, представил послужной список старого полка и начинаю именоваться механически полной фамилией. Ни своего звания, ни происхождения я не скрывал, и окружающие знали, кто я, а тогда в 1918 году я назвался частью фамилии не по каким-либо преступным замыслам или ради самосохранения, а только лишь потому, чтобы не вносить в окружающую среду неудовольствие <...>

В 1923 году, в апреле месяце, я получил назначение в Легкий Артдивизион X дивизии, где и началась моя мирная служба — выписываю семью... Проходит почти год и 11/IV-24 меня арестовывают, и я вот уже 8 месяцев сижу в ДПЗ, испытывая нужду и оскорбления за свою службу революции в течение 6½ лет, не видя за собой никакой вины, и тут еще получаю административную ссылку в Сибирь на 3 года¹, и в то же время моя семья остается в крайне бедственном положении. И за что? За то, что я сын своего отца.

А. В. Барклай де Толли»².

В конце декабря 1924 — к Е. П. Пешковой обратился за помощью Сергей Порфирьевич Швецов, председатель Ленинградского отделения Помполита.

<27 декабря 1924>

«Е. П. Пешковой
"Помощь политическим заключенным"

Москва, Кузнецкий Мост, 16, кв. 7

Пересылаю Вам копию заявления политзаключенного Барклай де Толли Ант<оний> Викт<орович> на имя прокурора Республики тов<арища> Курского, прошу указанную копию передать по назначению, а также навести справку, получены ли подлинные заявления, посланные Барклай де Толли пред<седателю> ЦИК СССР тов<арищу> Калинину и прокурору Республики тов<арищу> Курскому.

Если указанные заявления получены, то сообщите, какое решение вынесено по существу дела <...>.

Швецов.

С. П. Швецов.
Матвеевская, 11, кв. 12.
Ленинград.
Декабря 27 дня 1924 г<ода>»³.

¹ 12 января 1925 — отправлен из Новониколаевска в Богучанское под Туруханском.

² ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 65. С. 17. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 59. С. 11. Автограф.

*На заявлении — помета рукой Е. П. Пешковой:
Переслать по назначению. Е. П. 31/XII».*

*В феврале 1925 — Антоний Викторович Барклай де Толли
обратился за помощью к Е. П. Пешковой.*

<24 февраля 1925>

«Канск, Енисейской губернии
24-го февраля 1925 года.

Екатерине Павловне Пешковой

Москва, Кузнецкий мост, 16

Крайняя нужда, бедственное положение семьи моей и несправедливость ко мне понуждают меня обратиться к Вам за всесильной помощью.

Прослужив в Красной Армии почти 6½ лет, не будучи никогда участником каких-либо преступлений по отношению к Республике, и за это время не был даже подвергнут не только какими-либо наказаниями или взысканиями, а даже не был под надзором и следствием, не имея за собой, как военный, даже дисциплинарного взыскания, я сослан в Сибирь, в Туруханский край на 3 года. В чем я обвиняюсь? Я не знаю, и это от меня или держат в секрете, просто не хотят мне сказать, или, вернее, его совсем нет. На мои неоднократные обращения к Ленинградскому Губ<ернскому> прокурору, я не получил никакого ответа, и просидев в ДПЗ в Ленинграде 8 месяцев, мне объявили постановление ОГПУ о высылке меня в Сибирь, причем, с момента вынесения приговора по день объявления меня продержали 5 месяцев. За время сидения в ДПЗ весь свой скудный скарб распродан для поддержания семьи, я доведен до удручающего состояния, как и моя семья до бедственного. По объявлении мне приговора я сразу же просил ВЦИК и Верх<овного> прокурора Республики о пересмотре моего дела, но прошло более 2-х месяцев, я результата никакого получить не могу, все дальше и дальше удаляясь в недра Сибири. Еду для того, чтобы здесь сложить свои кости, еду для того, чтобы моя семья — жена и ребенок — погибли без меня, без моей поддержки материально. Выехал я из Ленинграда в полной уверенности в справедливость и полагал, что в Новониколаевске меня освободят, дав возможность свободного проживания в Сибири, где бы я мог устроить свою жизнь, принося пользу Государству, и тем самым смогу поддержать свою семью, опираясь на личный честный труд, но в Новониколаевске ПП ОГПУ 12/1-25 г<ода> постановил выслать меня в Туруханский край. Снова пошли этапы, и, наконец, я достиг гор<ода> Канска Енисейской губ<ениии>, откуда отправляюсь в Приангарский край до весны, а весной с наступлением навигации буду направлен в Туруханский край. Еду без каких-либо средств, все, что было обращено на нужды семьи еще в Ленинграде, а теперь еще по дороге обобраный, без одежды и без какой-либо поддержки от кого-либо, не надеясь найти там для себя труда, не имея никакой специальности, будучи военным с 1910 года, и в то же самое время семья моя обречена на полную гибель. Жена простая девушка, не имеющая даже образования одноклассного народного училища, без всяких средств и имущества с ребенком на руках, в бесплотных поисках какой-либо себе службы, хотя бы в силу того, что она моя жена, носящая мою фамилию, жена ссыльного.

Я не ропщу на то, что я сослан, не ропщу на то, что со мной произошла простая ошибка, я много страдал в своей жизни, но ведь это попытка при мысли о семье, брошенной на произвол.

Я прошу у Вас заступничества, прошу ходатайства и всесторонней помощи в деле о пересмотре моего дела, в деле поддержки. Пусть разберут мое дело досконально, не по шаблону — могу ли я вообще быть преступником, обвиняемом по 60 статье Уголовного Кодекса, прослужив в рядах Красной Армии непрерывно 6½ лет, и за это время принося Государству только пользу в деле ее строительства, отдав на это все свои лучшие годы и силы и рискуя своей жизнью. Если я обвиняюсь в том, что именовался только одной частью своей фамилии, то зачем же такая суровость? Зачем же статья 60, зачем обрекать на гибель и меня, и семью, и ни в чем неповинного ребенка, болезненная любовь к которому так велика, и ради него я прошу дать возможность жить вместе с ним, дать ему жизнь и нужное воспитание. Если вина моя вся в фамилии, так, наверно, 4 года тому назад, когда времена были более бурные — я понес бы должное наказание.

Слезно прошу у Вас всеильной помощи в совсем деле и готов остаться здесь в Сибири, в каком-либо городке, чтобы соединиться с семьей, чтобы поддержать ее, не дать погибнуть, поддержать своим трудом и материально, и духовно.

Преступником я никогда не был, не буду и по своей честной и открытой русской душе — быть не могу. Произошла со мной ошибка и так бы хотелось, так еще много возлагаю надежд, что Республика ее исправит, а вы будете моей ходатайницей перед ней.

Помогите мне и семье моей, чем можете, и сообщите о результатах моего дела. Лично не могу приложить марок для ответа, т<ак> к<ак> беден до того, что некоторые из ссыльных помогают мне хлебом, и так я волочу свою тяжелую дорогу в ссылку. Они же мне и указали на Вас.

Прилагаю при сем копию моего заявления, о котором я говорил вначале сего письма и из которого Вы можете узнать мою жизнь, полную жестоких испытаний, и могу ли я быть преступником по отношению к Республике. Это заявление я отправил по адресам 11 декабря 24 г<ода> через Начальника Ленинградского ДПЗ.

Точной деревни, где я буду оставлен на жительство, я еще не знаю. это объявляют в селе Богучанском, что 350 верст отсюда лошадьми.

Адрес мой: Сибирь.

Село Богучанское Енисейской губ<ернии>, гор<од> Канск. Административно ссыльный Барклай де Толли Антоний Викторович (Стрикер).

Адрес семьи: гор<од> Петрозаводск, Заводская ул<ица>, дом Григорьевой Марии Тимофеевны, Барклай де Толли.

Убедительно прошу содействия в моем деле, а также уведомления и всеильной помощи.

Барклай де Толли (Стрикер)»⁴.

12 января 1925 — Антоний Викторович Барклай-де-Толли был переведен в Богучанское Туруханского края; позднее по ходатайству заведующего юридическим отделом Помполита высылка в Сибирь была заменена на ссылку в Северный край; переведен в Вологду. С мая 1928 — работал десятником на Северной железной дороге; с 1930 — заместителем главного бухгалтера на спиртовом заводе; с 1932 — начальником финансового отдела на предприятии в Вологде. В 1937 — вновь арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь (?). В начале 1942 — досрочно освобожден из лагеря; с февраля — работал

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 59. С. 14-15. Автограф.

главным бухгалтером артели "Трудовая". С мая 1942 — на фронте под Москвой офицером- добровольцем; в сентябре 1945 — служил помощником военного коменданта города Москвы. С апреля 1947 — после демобилизации работал заместителем директора Вологодской государственной селекционной станции. В 1956 — трагически погиб в Вологде (был сбит неизвестным автомобилем)⁵.

---

⁵ Сведения предоставлены Татьяной Барклай-де-Толли.